

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Среда, 5 июня 1935 г.

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

Год издания шестой

НА РОДИНЕ ЧЕХОВА

В СОСТАВЕ бригады актеров МХАТ I и писателей, я вместе с некоторыми другими «стариками» нашего театра ездил в Таганрог на чеховские торжества. Я была настроена на обычный торжественно-юбилейный лад. Никакие сравнения, сопоставления не приходили мне в голову.

Наш поезд мягко подплыл в дебаркадеру станции Таганрог. Южная весна — солнечная, пестрая, бодрящая как будто вечно молодая — встречает нас весело и радужно. На перроне пионеры, рабочие, представители общественных организаций. И вот, как будто повинувшись чьему-то неосознанному внушению, я начинаю, вспоминая, сопоставлять и сравнивать. Таганрог я посетила впервые 25 лет назад. С тех пор изменилась вся наша страна. Каков теперь Таганрог — родина Чехова? В 1910 г. я вместе с младшим братом Антоном Павловичем Иваном Павловичем Чеховым была несколько дней на родине писателя. Я запомнила обычный, похожий на многие другие, милый, наивный провинциальный городок. В нем какая-то особая прелесть уживалась вместе с тоскою старороссийской провинции. Мирное житие, тоскующая молодежь, тусклое провинциальное прозябанье. По улицам сновала уездная российская толпа — безликая, в каком-то дезорганизованном, расстроенном ритме, ничем не объединенная, не воодушевленная, порою любопытная и всегда мещански-тоскливая.

Но я не могу даже до конца додумать эту мысль о прошлом облике города. Мои руки едва успевают вместить все обилие цветов — роз, сирени, тюльпанов, нарциссов, — которыми нежиданные друзья с чеховской родины забрасывают меня. Голубой воздух майского дня прорезается звуками серебряных фанфар — пионеры играют марш-встречу, радостные крики собравшихся в нестройном, но каком-то единодушном, слитном хоре приветствуют приехавших гостей. Мы остановились расстроганные до глубины души. Некоторые из моих товарищей плакали настоящими слезами. Мы почували сквозящие радости памяти писателя, который всю свою творческую жизнь вел печальную эстетическую песню о серой, нудной жизни современного ему поколения русских людей, но который так крепко и сердечно любил родную страну и родной народ, мечтавший о лучшей счастливой трудовой жизни «через двести лет».

Сказаны импровизированные приветственные речи, фанфары закончили свою торжественную, неповтори-

мую песню, и все собравшиеся, как-то не сговариваясь, выстраиваются в стройную колонну, провожающую нас медленно движущиеся к городскому санаторию машины. Я смотрю на шествующих рядом с нами, впереди нас, позади нас, людей. До чего они непохожи на ту унылую, доведенную толпу, которую я наблюдала в Таганроге в 1910 г. Какая-то размеренная торжественность, какая-то собранность, осознанность того, что они делают и ради чего собрались, чувствуется в людях этой новой, городской «толпы». Да и не толпы, потому что не подходит этот чужой, не наш термин к тем стройным рядам людей, которые провожали нас, живых современников любимого писателя, приехавших делить вместе с ними радость воспоминаний и чествования его памяти.

Вечером 27 мая мы дали в городском драматическом театре спектакль «Дядя Ваня». Необычайное волнение охватило весь наш ансамбль в немногие часы, оставшиеся нам для подготовки к спектаклю. Мы чувствовали всю ответственность нашей постановки. Когда вошел занавес, многие из нас чувствовали себя, как бы дебютантами на сценических подмостках. Такого внутреннего непосредственного волнения я не запомню со времен первых чеховских постановок в Художественном театре в начале века. Мы были как бы наэлектризованы тем состоянием напряженного ожидания, которым на нас дышал зрительный зал. Мы как бы чувствовали затаенное дыхание многих сотен зрителей, их безграничное и непосредственное доверие к нам, признанным истолкователям чеховских идей и настроений на русской сцене.

Волнение не оставляло нас и во время пауз и антрактов. В необычайном воодушевлении Москвитин рассчитывал за кулисами, изображая ночного сторожа с колотушкой.

Спектакль окончен, спустился занавес. Но мы долго не можем уйти из театра. Бесконечное количество раз зрительный зал нас вызывает.

Куда девались покрытые пылью искривленные улицы Таганрога? Я их

не узнаю, они как бы распирились, выпрямились, обросли рядами цветущих деревьев, замощены на много километров асфальтом, залиты ночью потоками электрического света. По улицам Таганрога, уже ни в какой мере не напоминающего уездный захолустный городишко, десятых годов, ходят оживленные толпы (опять это чеховское слово, которое я, однако, не знаю чем заменить) детей, подростков, окончившего работу взрослого населения. Всюду весело, шумно, звучит смех, песни, шутки.

Мы посетили Трубопрокатный завод им. Андреева. Это мой первый визит в центр завода тяжелой промышленности. С самого начала я бы-

Красный платок и голубая майка. Рядом выдмается посаженное в кадку высокое, вечно зеленое дерево. Так выглядит цех Трубопрокатного завода на родине Чехова на 17-м году строительства социализма.

На следующий день мы посетили секретаря таганрогского горкома ВКП(б) т. Вardanьяна. Мы сказали много лестного и приятного о его умелом руководстве городским хозяйством. На это он нам ответил:

— Не только я, но и само рабочее население города руководит своим коммунальным хозяйством, меняя в непрерывных творческих усилиях культурный и экономический облик города.

Памятник А. П. Чехову работы скульптора В. Андреева, заложенный в Таганроге в юбилейные дни

ла огорошена этим грохотом гигантских станков, ослеплена потоками раскаленного красного металла. Я была буквально потрясена наплывом необычных впечатлений. Но вот я начинаю приходить в себя, глаза начинают сами собою осматриваться по сторонам. Я вижу не только машины, станки, но и людей, сосредоточенные лица живых людей. Вот на платформе высокая стройная фигура девушки-работницы, мерно и ритмично движущей руками, поворачивающей корпус в такт движениям станка.

Одно из наиболее ярких впечатлений за все время моего пребывания в Таганроге — это парад физкультурников на Ленинской улице. Я не захожу слов для изображения того состояния, в котором мы находились, когда мимо нас шествовали стройные колонны детей, подростков и взрослых людей, разодетых в разноцветные спортивные майки — бодрые, здоровые, одинаково умелые в героическом труде и в подготовке к гра-

дущей обороне социалистической родины.

Всюду на предприятиях, в школах, на торжественных заседаниях, на улицах города нас встречали не только как «именитых гостей», но и как родным, близких друзей. На Трубопрокатном заводе нам подарили звездочки из нержавеющей стали. Ко мне пришла старушка, принесла ветку сирени и сказала, что в молодости она «шивала белье на семью Чеховых». На детском утреннике нас произвели в почетные пионеры. Школьники очень талантливо инсценировали некоторые детские рассказы Чехова.

В 1910 г. домик, в котором Чехов родился, посещался только редкими туристами. Сейчас система чеховских учреждений определяет собой культурный облик всего Таганрога. Музей при домике, в котором писатель родился, специальный литературный музей его имени, библиотека им. Чехова, школа им. Чехова, несколько техникумов, носящих его имя. Музей руководится любовью и умно Андреевым-Туркиным и проф. Валухатки. В нем много рукописей писателя, библиографических материалов, собранная его обширная иконография. Теперь, пожалуй, уже невозможно ни одно серьезное исследование о Чехове, без того, чтобы не были разработаны материалы, хранящиеся в музее родного города писателя.

В 1910 г. Таганрог — обычное уездное захолустье, немногим отличавшееся от десятков других городков, населенных хмурыми людьми, о которых в годы российской сумерек писал «Пестрые рассказы» Антон Павлович Чехов. Теперь это город, который уверенно и гордо строит вместе со всей страной свое социалистическое будущее. Я в нем не видела больше ни унылых людей, ни тоскливого ландшафта уездной провинции.

Пять дней, проведенных нами в Таганроге, промелькнули, как сказочная феерия. Мы все мечтали с Марией Павловной как-нибудь выбрать свободных несколько часов и «пошатались» просто по улицам города. Но этого нам не довелось сделать. Память Чехова чествовалась в эти дни всем населением города, и мы буквально ни на одну минуту не были предоставлены самим себе.

Мы приехали на торжество группой солидных «народных», юбилейно-торжественных людей, а уехали оттуда, как бы рожденными заново, помолодевшими на десятки лет — пионерами.

Народная артистка республики
О. КНИППЕР-ЧЕХОВА